

Осётр был старый, размером с торпеду. Осётр вымотался, как стойкий боксёр к двенадцатому раунду. Леска неуклонно вытягивала его на мелководе.

Сначала мы подумали, что зацепили какую-нибудь железяку на дне или провод. Когда из воды показалась леска, вся в водорослях, мы решили — точно провод.

Когда леску дёрнуло и повело в сторону, мы поняли, что никакой это не провод. Брюхо рыбины заскребло по песку, из воды показался шипастый хребет и громадная морда.

Крючок зацепил губу.

Один конец тройного крючка был обломан, второй свободен, а третий зацепил кончик губы.

Тонкая перепонка отделяла осётра от свободы.

Тонкая перепонка отделяла осётра от того, чтобы тихо коротать старость в мутных глубинах.

Бедолага дожил до преклонных лет и купился на мякиш из белого батона.

Вытянув старика на отмель, изнурённый рыбак бросил спиннинг, схватил германское ружьё с гравировкой и выстрелил рыбе в лоб. Осётр встал на голову и рухнул с плеском.

В тот день отец впервые взял меня с собой. Мне исполнилось семь. Мясо осётра оказалось невкусным.

В сезон отец притаскивал то кабана, то лося. Всю зиму мы отрубали шматы от ледяных кусков на балконе. Я любил утку. Когда я рвал зубами её жесткое тельце, то забывал обо всём, даже о дробинках. Сколотый зуб напоминает о тех временах.

Отец говорил, что если утка ранена, то найти птицу надо сразу, иначе она нырнёт под воду, уцепится клювом за какой-нибудь стебель и умрёт там в глубине назло человеку.

Когда всем офицерам части предписали выполнить интернациональный долг в Афганистане, отец уваливать не стал. Мать его ругала.

К Новому году он прислал матери серебряный браслет, а мне — армейскую панаму защитного цвета. Потом стали болтать, что отец спутался с какой-то из медицинской службы. Позже сообщили, что он контужен.

После госпиталя он стал тихий, а однажды начал колотить себя кулаком по колену и ныть. Мама дала ему таблеток, но они не помогли — отец избил участкового.

Тюремный срок заменили лечением.

Обещали выпустить через полгода, но передумали.

Когда мне исполнилось тринадцать, дядя Витя сказал — пора становиться мужиком.

Учился я плохо, маму расстраивали мои оценки. Хотелось её порадовать. Я знал, маме будет приятно думать, что между мной и дядей Витей установились дружеские отношения.

Как у отца с сыном.

Без подходящего костюма мужиком не станешь — я надел резиновые сапоги, ватник, в котором обычно помогал на огороде, а на голову нацепил ту самую армейскую панаму.

Дядя Витя сказал, что голову надо покрыть, всё-таки дикая природа. Тут мама и вспомнила про панаму. Я думал, она давно потерялась. Но у мамы никогда ничего не терялось.

Продолжительные сборы и бутылка, к которой то и дело прикладывался дядя Витя, привели к тому, что на место мы прибыли вечером. Повсюду вода, камыши и густой кустарник. Дядя Витя расчехлил ружьё, вложил патроны в оба ствола, и мы стали прислушиваться и присматриваться. Дядя Витя вёл себя ухарски, но взлетевшие из зарослей утки без труда ушли от его торопливого выстрела.

Дядя Витя тоже обеспечивал нас дичью, тоже забивал балкон ледяными обрубками.

Я любил подвяленных им уток даже больше отцовских, но тем вечером я радовался его промахам. Радовался, что сегодня ни одной утке не придётся нырять

и цепляться клювом за камыш. Промазав ещё несколько раз, дядя Витя вспомнил о поводе нашей поездки и решил научить меня стрелять.

Оглядевшись в поисках подходящей мишени и ничего не найдя, он остановил взгляд на мне.

Точнее, на моей панаме.

Я не протестовал.

Дядя Витя повесил панаму на куст шагах в двадцати, а вернувшись, взялся за инструктаж.

Велел расставить ноги и, оперев приклад в плечо, слегка наклониться вперёд. Когда я принял стойку, он сильно толкнул выставленный ствол, сказав, что отдача будет такой же.

Я чуть не упал.

Выстрел оглушил. Слышать со стороны — это совсем другое. Кроме того, я едва удержал равновесие — отдача оказалась сильнее дяди Вити.

А ещё я не мог унять дрожь. Я испытывал одновременно желание и страх — через три года с девочкой из параллельного класса было куда проще.

Подойдя к панаме, которая даже не шелохнулась, мы обнаружили в ней семь маленьких дырок.

Я подсчитал.

В одном из швов застряла дробина.

Дядя Витя поздравил с почином и велел возвращаться на позицию. Он помог перезарядить и скомандовал «Огонь!»

Радуюсь обрётённой силе и тому, что не надо никого убивать, я вошёл во вкус. Я стрелял и перезаряжал, под ноги падали дымящиеся картонные гильзы, воздух наполнился пороховой вонью. Если вначале я изрядно волновался, то с каждым новым нажатием на спусковой крючок, с каждым толчком приклада в плечо мною овладевало всё большее спокойствие. Я решетил панаму и укреплялся в мысли, что не хочу убивать никого и никогда. Вместе с этим я понимал, как следует убивать: выцелил, нажал, перезарядил, выцелил, нажал, перезарядил.

Я прекратил пальбу, только когда кончились патроны, а сумерки сменились ночью.

Дядя Витя был в восторге и жалел лишь о том, что не прихватил с собой ту бутылку, из-за которой мы припозднились. Панама уже не висела, а держалась кое-как в гуще измочаленных ветвей. Она сделалась похожа на махровое полотенце — из многочисленных дыр торчали мелкие обрывки. Одновременно она стала тяжелее: к первой дробине прибавилось множество других.

Я до сих пор храню эту панаму. Ткань села, и панاما на меня больше не налезает. Теперь она впору разве что ребёнку. Сыну. Но сына у меня нет. Когда будет, подарю ему — она убережёт его от неприятностей, два раза в одну воронку не попадает.

А осётра нам с отцом тогда пришлось бросить. Больно здоровый. Мы засолили полведра икры, израсходовав всю пачку поваренной пищевой, и оставили тело на берегу. Когда я разговариваю с отцом, мы иногда вспоминаем тот случай. Точнее, я вспоминаю, а он трёт колено и кивает.

2

Минувшим летом приятель предложил мне подработать. Известный водочный завод готовил новую коллекцию настоек, в качестве рекламы производители хотели выпустить буклет с фотографиями и рассказом настоящего писателя.

А кто у нас писатель, если не я?

Тема рассказа должна была соответствовать теме коллекции — охота. Срок — месяц.

Я подумал, что запрет на прямую рекламу алкоголя того и гляди приведёт к очередному расцвету литературы, и согласился. Охотой я не увлечён, с ружьем в лесу бывал всего раз, и то больше двадцати лет назад, но воспоминания сохранил яркие, так что попробовать можно. С чего начать, я не знал и перечитал советы приятеля, который упоминал лис, звук рожка, утренний туман и другие охотничьи клише. Перебрав в уме все эти картины, я решил взяться за дело, не откладывая.

Предложение застало меня в кафе международного аэропорта «Шереметьево», я ждал рейса в Китай, и, чтобы начать работу, достаточно было отодвинуть блюдце с недоеденным кексом и взяться за блокнот и ручку.

В течение ближайших суток в аэропортовом кафе, за откидным столиком в самолёте, за массивным столом в номере харбинской гостиницы я написал рассказ.

Приятель встретил плод моих стараний словами: «Ты — гений», чем, признаюсь, немало меня порадовал. По поводу рассказа у меня, вопреки восторгам приятеля, имелись изрядные опасения. Рассказ получился мрачноватым, никаких лис, туманов, лая собак и звука рожка. Вместо этого какой-то дядя Витя и тронувшийся умом ветеран. Рассказ скорее отвращал от охоты, чем романтизировал её. Одним словом, я совершенно не удивился, когда приятель пропал из виду, и, напротив, удивился очень сильно, когда спустя месяц он объявил, что «шедевр» надо срочно сократить на тысячу двести знаков, чтобы он влез в буклет.

Вдохновлённый продвинутостью водочных магнатов и перспективой получения кругленького гонорара, я уточнил у приятеля, как он считает знаки: с пробелами или без? Развеселившись, я даже позволил себе фразочку из рациона торговли на рынке: «Давай сокращу шестьсот, чтоб ни тебе, ни мне» — и, не дожидаясь реакции, взялся за дело.

Моя твёрдая уверенность в том, что разумное сокращение на пользу любому тексту, оправдалась. Начав дело робко, я под конец даже перевыполнил план, удалив аж тысячу двести тридцать шесть знаков. Рассказ избавился от мелкого словесного сора и превратился в идеально выточенную фигуру.

Приятель, однако, попросил сократить дополнительные двести знаков, рассказ всё ещё не втискивался в предназначенную лауну.

Я сократил.

Если сначала я волновался, что рискую потерять золотые крупы смыслов, то теперь рубил наотмашь целые абзацы. Получился уже не рассказ, а острое лезвие.

По крайней мере мне так казалось.

Войдя в раж, я перестарался, и две удалённые строчки пришлось, к моему большому сожалению, вернуть на место, иначе на страничке буклета зияла бы пустота. Ещё недавно я этими строчками гордился, а теперь их вынужденное возвращение меня тяготило. Такое бывает в отношениях между мужчиной и женщиной. Хотел удержаться от этой аллюзии, но не могу.

После того, как рассказ наконец идеально встал в буклет, его зарубили. Самый главный начальник с кем-то там посоветовался и понял, что текст, во-первых, депрессивный, а во-вторых, в нём фигурирует несовершеннолетний. Эти два свойства совершенно недопустимы для уважаемого водочного бренда и новой линии охотничьих настоек.

Я вспомнил, как подростком пил с одноклассниками водку из горлышка на игровой площадке детсада, и подумал, что времена изменились.

Приятель сказал, что начальник — козёл, но не совсем. Он согласен увеличить гонорар, если я напишу новый рассказ к понедельнику.

Разговор состоялся в пятницу. Мысленно пересчитав барыш, я подумал, что никогда не участвовал в подобной авантюре, и согласился. Проблема состояла лишь в том, что все охотничьи переживания я израсходовал, а переписывать чужие байки не хотелось.

И я позвонил отцу.

Отец, слава богу, в здравом уме, контузия — плод моей фантазии.

— Папа, ты же ездил на охоту?

— Больше на рыбалку.

— Но ведь и на охоту тоже?

— На охоту тоже.

— Расскажи что-нибудь, мне для литературы надо, — попросил я, и отец начал вспоминать.

Он рассказал, как в окрестностях Байконура командировочные стреляли сайгаков с автомобилями, чтобы не тратиться на продукты. Подобьют двух-трёх, подвезут на морозе и питаются полгода, а зарплату в кубышку.

Рассказал, как приятель подделал ему путёвку на хорошую охотничью базу — баржу, стоящую в низовье Волги, между Сталинградом и Астраханью.

Отец назвал Волгоград Сталинградом на старый манер, и я не стал его поправлять.

Неподалёку от той баржи он несколько дней стрелял гусей, пока вертолёт не высадил целый десант отпускников-лётчиков. Тут егерь-смотритель и догадался, что мой папаша самозванец.

— У вас здесь исправлено, — сказал егерь, внимательно разглядывая путёвку, где и в самом деле был мастерски исправлен номер.

— Мне такую дали, — ушёл в несознанку отец.

Обошлось без позорного изгнания, гусей было в избытке, хватало всем.

Отец рассказал, как, будучи не в силах справиться с уже вытащенным на берег осётром, они с напарником били его финкой в голову, а тот дрыгался так, что порядочно изранил их своей грубой шкуркой.

Рассказал о поляне, усыпанной булыжниками, и мужике с кувалдой, который эти булыжники раскалывал и в каждом находил аметист. Отцу тоже захотелось аметистов, но мужик кувалдой не поделился.

Я бы хотел услышать что-нибудь про женщин и услышал — отец вспомнил старушку из заброшенной отдаленной деревни. Старушка, как стивенсоновский Бен Ганн, попросила у охотников маленький кусочек сыра. Сыра у них не нашлось, и они оставили ей свиную тушёнку.

Отец говорил о жирных тетеревах, об оленьих рогах, о стрельбе через воду по громадной щуке, затаившейся под лодкой, о том, что забросил охоту после того, как едва не прикончил по ошибке того самого приятеля, подделавшего путёвку. Вдвоём они выслеживали кабанов, потеряли друг друга из вида, изрядно разволновались: кабан опасный зверь, и, завидя шевеление в кустах, отец выстрелил. К счастью, промахнулся — через кусты крался приятель.

Среди этих и других не менее ярких, кроважанных историй мне особенно запомнилась та, где отец вспоминал тувинского проводника Седебола.

Когда этот самый Седебол встретил охотников из Москвы, то первым делом выпросил спирту. Поить его боялись, но пришлось покориться — без спирта он двигаться с места отказывался. Глотнув и опьянев мгновенно, Седебол повёл москвичей через леса. На щиколотках его резиновых сапог зияли дыры.

На привалах проводник твердил одну и ту же фразу. Речь его была настолько невнятна, что разобрать фразу не удавалось. Все от него отмахивались, и он прибил к отцу, который сидел поодаль. В его бурчании слышалась неразборчивая эмоция: вроде не злость, но тревожно.

Отец быстро оставил надежду расшифровать слова тувинца, но тут его вдруг осенило.

Методично, заглядывая в небритые под Хэмингуэя лица отпускников, не меняя интонации, как буддистскую мантру, Седебол повторял два слова: «Культурный, да?»

Охотничий поход прошёл без происшествий. Седебол своё дело знал. Пил он, наливая в ямку между большим и указательным пальцами правой руки. Растопырив ладонь особым образом, он образовывал на тыльной её стороне углубление и клячил водку. Развлечённые таким трюком охотники с готовностью наливали, тем более Седебол пьянел с одного глотка.

Отец рассказывал про этого алтайца и раньше, он не даёт ему покоя. Седебол — житель диких мест, в которые едут и едут сытые, обеспеченные, начитанные мужчины больших городов.

Едут, чтобы выковырять свою природу — аметист, покрытый базальтовой коркой комфорта и цивилизации. Одних собственная природа устраивает, других ужасает. Одни потом хвастают трофеями, другие погружаются в экзистенциальные размышления.

Мы сами, как тот осётр. Дёргаемся, пытаемся уйти на глубину, но тщетно. Нас притягивает неотвратимость и всё, что нам остаётся — это выцелил, нажал, перезарядил. Выцелил, нажал, перезарядил.